

P₂
-20
5088

В. ГАРНОВСКИЙ

ЖУРАВЛИ
на Луне

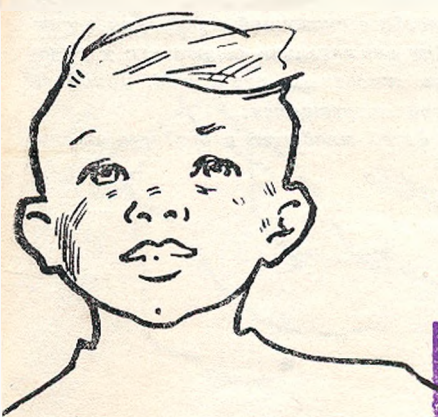
15 4

В. Гарновский

88

ЖУРАВЛИ на Луне

5088-A

Вологодская
областная детская
библиотека

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1965

Приходилось ли вам когда-нибудь бывать в весеннем лесу? Если нет, то, прочитав рассказ В. Гарновского «Весенняя музыка», вам обязательно захочется это сделать, чтобы услышать тот чудесный многоголосый хор лесных музыкантов, о котором так увлекательно рассказывает писатель.

А сколько интересного вы узнаете из его рассказов «Лесные праздники», «Поплавки с глазами», «Кукушкины советы», «Любопытная осинка» и других, в которых автор с большой любовью и знанием рассказывает о северной природе, об обитателях наших лесов и рек. Написанные живо и выразительно, иногда в сказочной манере, рассказы В. Гарновского учат ребят внимательно относиться к явлениям природы, к жизни животных, птиц, рыб, находить интересное в обычном, присмотревшись.

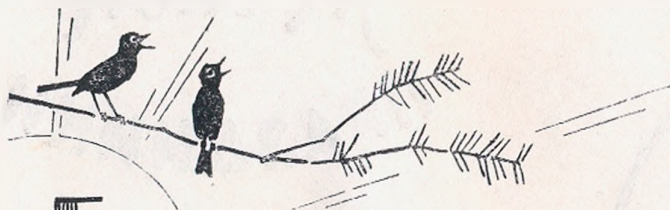
Книга рассчитана на детей младшего и среднего школьного возраста.

Лесные ПРАЗДНИКИ

ВЕСЕННЯЯ МУЗЫКА

ЕСЛИ хочешь услышать первую весеннюю лесную музыку, встань пораньше, ещё затемно, иди в лес и присядь под старой сосной.

Начнет светать, и рябчики первыми в серебряные дудочки задудят, засвищут:

— Фить-фить, фить-перепить!

Синицы в стеклянные колокольчики ударят:

— Тень-пень — новый день, тень-пень — новый день!

Черный дрозд с вершины ели словно на золотой флейте заиграет:

— Ручейкам звенеть, всем птицам петь, лью, лью, лью-ю-ю!

Журавли на болотах шеи вытянут и как в медные трубы:

— Заря-зоренька, заря, заря!

В хорошем оркестре барабан нужен. А дятел на что?

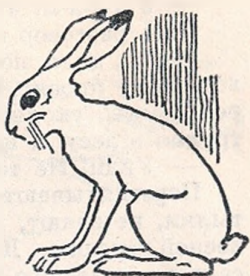
— Тра-та-та, тра-та-та, ах, какая красота! Бум!

И тут начинается — кто во что горазд..

Поднимется вешнее солнце, послушает лесных музыкантов, улыбнется:

— Хороша музыка! Молодцы музыканты!

МИХАЙЛО, ПОВЕРНИСЬ!

И, СКОЛЬКО снегу в эту ночь выпало! Лёг он, молодой, беленький, на старый, уже загрубевший, посеревший. На каждой еловой лапке, на каждом берёзовом суку нависли снеговые подушки — вот-вот сломят не только ветви, но и сами деревья согнут. Бывало этак-то.

Снег в пору, вовремя — хорошо, а перед самой весной оно вроде и лишний. Лесному зверю совсем трудно стало: попробуй пробежаться по такому снегу — вмиг увязнешь по уши. А у зверей порядок известный: не побегаешь — не поешь, голодным спать ляжешь.

Так или иначе, хотя и с трудом, а начали к медвежьей берлоге звери собираться. Сначала зайцы-беляки явились. Им-то ещё хорошо, у них лапки особенные: пальцы к зиме шерстью обрастают, вроде валенка на каждой лапке. И тепло, и не так в снегу вязнут. И лось пришёл. Ему этот снег хоть и труден, а проходим: ножищи-то у лося вон какие длинные, до земли снег пробивают.

Стучат зайцы лапками в медвежью берлогу. Вежливоенько этак барабанят, просят умильными голосами:

— Михайло Потапыч! Повернись, пожалуйста, поторопи весну!

— У-а-а-а-м! — зевает медведь. — А зачем мне поворачиваться? Мне и так хорошо, тепло.

— Снегу много выпало, Михайло Потапыч. Пожалей нас! Повернись на другой бок. Может, весна скорее придет, как узнает, что ты просыпаться хочешь.

— Михайло Потапыч! Повернись, пожалуйста, чтобы от твоего поворота снег с деревьев осыпался!

— У-а-а-а-м! Уйдите! Спать хочу. Не мешайте!
Лось разговор начинает:

— Эй, дядя, повернись в самом деле, коли тебя похорошему просят. Пора тебе поворачиваться! Посмотрел бы ты, сколько снегу! Мне, долгоногому, и то трудно в лесу, а какво остальным...

— Уйди! Не то рассержусь!

Переглядываются зайцы, почёсывают лапками затылки, не знают, как медведя разбудить. Да спасибо лесной мышке. Догадливая. Шмыгнула в берлогу, села на медвежье ухо и пискнула, как могла громче:

— Охотники идут! С собаками!

И в сторонку.

Рявкнул медведь, повернулся. Земля дрогнула, снег с деревьев свалился, светлей в лесу стало — будто и весна приходит.

Прислушался медведь. Нет, не слышно собак, не слышно и людских голосов.

— Ишь какой плохой сон мне привиделся, — заворчал медведь. — Будто кто со мной разговаривал, потом закричал, что охотники с собаками идут. Так я испугался! А зря! Надо свое доспать.

И завалился на другой бок.

Ну, а зверям только того и надо было. Тут и солнышко выглянуло, налетел тёплый ветерок с полудня. и первая капелька с ели в сугроб — кап! А за ней и другая — кап!

Весна! Всем радость!

ЛЕСНЫЕ ПРАЗДНИКИ

РОНЖА на весь лес кричала:

— Радуйтесь, радуйтесь, птицы! Сегодня — первый праздник весны, Праздник Первого Солнечного Луча!

До этого дня хмурое время стояло: небо затянуло тучами, ветер посвистывал, снег порошил...

А тут будто кто пальцем тучи прорвал — глянуло в прореху синее-пресинее небо, и побежал по заснеженным полям, по лесам, где деревья ещё в зимних белых шубах стояли, Первый Солнечный Луч.

Птицы — все на деревья, поближе к Лучу. Выше всех синицы взлетели, на самых макушках елей и берёз расселись, пониже их — клесты, еще ниже — рыжие ронжи.

По берёзам — тетерева, глухари — по соснам, рябчики, как и полагается, — по рябинам, по черёмухам над лесным ручьем, что чуть слышно журчит под снеговым одеялом.

Белым куропаткам дерево — место непривычное, так они на полянки выбежали и здесь Лучу радуются.

Поиграл Луч и исчез до завтра. Опять стало в лесу по-зимнему, но птицы знают: был праздник Первого Солнечного Луча — дело к весне идёт.

Ещё сколько-то времени прошло — опять Ронжа весть приносит:

— Праздник Первой Капли настал!

Собираются птицы на своих местах, ждут тихо-тихо. И вот пригреет солнышко снег на дереве — и увидишь: катится по веточке Первая Капелька, радугой-самоцветом играет в солнечном луче.

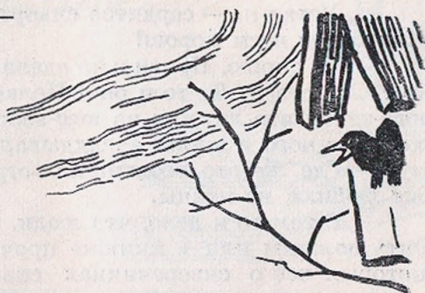
Подрожит, поиграет с лучом и — кап в сугроб.

Не горюй, если ночью опять ударит мороз, синий, звонкий. А все-таки весна! Видишь дырочку в сугробе? Она Первой Капелькой пробита. Ну и не спорь — весна! Завтра ещё сильнее солнышко пригреет, и уже не одна — сотни, тысячи капелек засверкают на кончиках ветвей.

Знают это птицы, радуются:

— Хороши наши лесные праздники, много их! И краше других праздник Первой Травинки. Только нам его праздновать особо некогда, мы тогда за работой — гнёзда вьём! Но очень хорош этот праздник!

В НОВЫЙ ДОМ — С ПЕСЕНКОЙ

КВОРЦЫ прилетели! Вон сколько их уселось на старой липе, что стоит на краю огорода. Свистят, верещат, других птиц передразнивают.

Песни — это хорошо. Однако пора и за дело браться. Разлетелись скворцы парочками — себе скворечники подыскивают: осматривают старые, в порядке ли они, ищут новые, которые ребяташки перед их прилётом поставили.

Особенно озабочена поисками жилья скворчиха. Ведь это ей придётся на яйцах в гнезде сидеть, малышей выкармливать. Конечно, в этом деле ей и скворец помощник, однако, серьёзности настоящей в нём нет.

— Красив этот новый скворечник, — вздыхая говорит скворчиха, — но мал. Как это его строители не подумали о том, что мы не воробьи, нам домик требуется настоящий, побольше!

— А вот ещё скворечник, — говорит скворец. — Вон на той берёзе.

Но и этим жильём скворчиха недовольна:

— Смотри сколько в нём щелей! Сквозняк будет. Вредно это скворченятам. И крыша дырявая. Мне же на голову при каждом дожде капать будет. Дрянь скворечник! Ищи другой!

— На тебя не угодишь, — сердится скворец. — Ну а как тебе этот нравится? Вот, который на клёне.

— Красивый, но...

— Опять — «но». Не понимаю!

— Удивительно ты беззаботный! Посмотри вход в этот скворечник? Не пролезть в него, не протиснуться. Воробью и то тесно будет. Неужели строители не могли у старших спросить, какой ширины должен быть лаз в скворечник?

— Устал я, — сердится скворец. — Вот ещё домик. Как будто всем хорош!

— Не спорю. Правильно сделан! А лаз куда повернут? На север? То-то и оно! Полагается на юг, или на юго-запад что ли, или на юго-восток, чтобы солнышко хоть немного в жильё заглядывало.

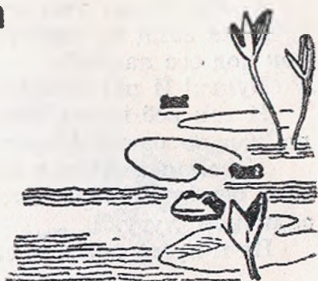
— Где же это ребятишкам-строителям знать. Они же люди, а не птицы.

— В том-то и дело, что люди. Они у старших спросить должны или в книжке прочитать. Есть такие, в которых всё о скворечниках сказано. Нет, торопыги иные парнишки, невнимательные. Тяп-ляп — не получится корабль, давно сказано. Ага, вот этот всем хорош! Его мы и займём. Начинай сучки и соломинки носить, будем гнездо делать.

И скворец принялся за работу. Принесёт соломинку, подаст её скворчихе, присядет на веточку и песенку споёт.

Известно, с песней работа куда лучше делается!

ПОПЛАВКИ С ГЛАЗАМИ

ИРОКО разлились вешние воды, выплеснула их река из своих берегов, залила прибрежные луга. И столько теперь получилось островков, заливчиков, проливов.

Днём под ветром крохотные волны по ним гуляют, а в каждой волне — солнечная искорка, да такая яркая — поневоле прижмуришься.

Уймётся к вечеру ветер, успокоятся заливчики и проливы, и кажется, будто перед тобою два неба: одно наверху — огромное, а другое лежит внизу осколками большого неба, но такое же голубое и с облачками.

И вот в эту пору появляются на земном небе... поплавки. Бурые, как старая пробка. Откуда они тут? Удильщиков не видно, а поплавки есть.

Не удивляйся. Это лягушачьи головы из воды торчат. Прогрело воду вешним солнцем, пора и лягушкам свои песни заводить.

Вот и получается — поплавки-то с глазами да большими.

Первый певун завёл, выпучив глаза, надув щёки:
— Куа-куа-куа!

Вроде говорит: «Пора, пора, пора!»

И тут хор всё громче, каждый старается соседа перекричать, собою похвалиться:

— Я самый смелый, я самый умный, я самый сильный, я самый красивый!

Но стоит плеснуться рыбке — вмиг исчезают головы певцов. Вот тебе и самые смелые!

Обожди несколько минут. Увидишь — опять одна лягушачья голова вынырнула, прислушивается, вот другая, третья... А потом и не сосчитать их. И снова начинается песня:

— Куа-ррла, куа, куаррла-куа...

Пока заяц по берегу не пробежит, не хрустнет су-чок под его лапкой.

Бульк! И нет певцов-хвастунов. Спрятались в воду. И так всё время. Только распоятся — прятаться на-до, только расхрабрится — снова ныряй.

Неважные песни у лягушек, вроде ворчанья. А всё-таки без этих песен чего-то не хватало бы вечером на заливном лугу.

Ну и пусть поют, пусть квакают. Весна-то для всех!

КУКУШКИНЫ СОВЕТЫ

УМНО, весело в лесу весеннем. Птицы гнёзда строят. У всех хлопот полон рот, а правильное сказать — клюв. Надо и место для гнезда подобрать хорошее, и прутики для него выбрать самые лучшие, и мху для тепла поискать красивого — зелёного, серого. А сколько мягких пушинок для постельки птенчикам собрать требуется!

Всем заботы, всем хлопоты. Только кукушка бездельничает. Ей гнезда не требуется. Но и бездельничать вроде неудобно: вон как на неё работающие птицы искоса поглядывают.

И нашла кукушка себе занятие-заботу.

Летает от гнезда к гнезду, птицам-строителям советы даёт:

— Зачем ты, дрозд, своё гнездо так высоко от земли завил? А вдруг сверху его ястреб заметит? Птенцов утацит!

— Только бы ты, кукушка, его не заметила, а ястреба мы, дрозды, когда все вместе, не боимся. Дадим ему отпор. А ты — прочь отсюда!

Кукушка — к зяблику:

— Уважаемый, крепче, крепче делай свое гнездо! А вот мхом снаружи ты зря его украшаешь. Этак гнездо от ствола старого дерева не отличишь. Как ты сам своё гнездо в лесу находить будешь?

— Это, кукушка, не твоя забота. Не знаю, как у других, а у меня опыт, как гнезда строить, имеется. Вон отсюда!

Только молодой простодушный чижик, который еще первое своё гнездо строил, стал к кукушкиным советам прислушиваться. Но подлетела соседка-трясогузка и кукушку на смех подняла:

— Сама гнёзд строить не умеешь, а другим советы даёшь! Не стыдно тебе? Гони её вон, чижик! Да посматривай, чтобы она в твоё гнездо своё яйцо не снесла. На это она мастерица, любит на готовенькое являться, лентяйка болтливая!

Прогнали кукушку.

А она совсем без стыда. Улетела в другой край леса и там опять за своё — даёт советы. Впрочем, все её знают, никто не слушает.

Рассердится кукушка, взлетит на дерево и сначала из себя обиженную представляет, кричит жалобно:

— Ку-ку, ку-ку, нагоняю тоску!

Да вдруг как расхохочется:

— Ха-ха-ха-ха-ха! — Не хочу трудиться, мне это не к лицу.

Шумит лес, звенит птичьими песнями. Что ему до кукушки!

УРОК ГЕОГРАФИИ

А СУЧЬЯХ старой берёзы — птичий молодняк. И кого только здесь нет: зяблики, чижи, ласточки, дрозды... Под берёзой на кочках — кулички разные.

Урок ведёт старый скворец, побывавший за свою жизнь во многих переделках. Почесав нос лапкой, строго спрашивает зяблика:

— Запомнил ли ты от родных, куда вы зимовать полетите?

— На юг, потом еще на юг, потом на запад, еще на запад, — зачастил зяблик.

— Так! Приблизительно верно! Вдоль берегов каких морей полетите?

— Вдоль берегов Балтийского, потом... потом... Мои папа и мама в прошлом году на Гельголанде зимовали. Там папу какой-то человек поймал, нацепил ему на лапку белое колечко, а потом отпустил. Говорят, на колечке написано: «Гельголанд». Там зимы почти нет. А если холодно будет, мы дальше полетим.

— Пятёрку тебе. Эй, внизу! Чибисенок, а ты куда с родными полетишь? Знаешь?

— Знаю! Папа сказал, что полетим к устью реки Дуная. К Чёрному морю. А холодно будет — дальше к югу направимся.

— Далеко это от наших мест?

— Люди говорили, папа слышал — две тысячи километров.

— Это, значит, много?

— Много. Но я только до двух считать умею.

— И тебе пятёрка.

— Что такое — пятёрка?

— Ну, если не понимаешь — найди и съешь пять червячков. Это один, ещё раз один, ещё раз один и

ещё два червячка. Понятно? Эй, кто там у лужи? Утёнок? Ну-ка, скажи, куда твои собираются?

— Решили на Южный Каспий лететь. Там тепло, еды много...

— Молодец!

— Дяденька учитель, — поднимает крылышко дроздёнок, — разрешите вас спросить...

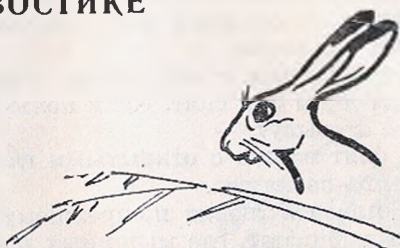
— Спрашивай.

— А где вы, скворцы, зиму проводите?

— Где понравится. Бывал я и в Италии, и во Франции, и в Турции, и даже в Египте. Мало ли где! Но больше всего нравится нам зимовать в Закавказье. Всё-таки поближе к родным местам, поскорее к дому вернуться можно. Вот вспоминаю, летели мы...

Скворец начинает рассказывать о прошлых путешествиях. Рассказывает увлечённо, жмурит глаза и не замечает, что ученики... разлетелись.

О ХВОСТЕ И ХВОСТИКЕ

Ж ИЛ-БЫЛ когда-то заяц — всем нынешним зайцам дедушка, и ещё раз дедушка, и всем заячьим дедушкам дедушка. На нынешних зайчишек не похож был тем, что был у него длинный, пушистый хвост — летом серый, а зимой — белее снега. В летнюю пору заяц этим хвостом от комаров отмахивался, а зимою им, как одеялом, прикрывался.

Весёлый был заяц, любил поиграть, поплясать да не в ту пору, как нынешние зайцы. Нет, он днём играл, плясал, а ночью спал под кустиком.

Бывает и так: кому игра, а кому от той игры горе. Повалился заяц на одной из лужаек чаще всего плясать. С притопом. А на той полянке, вернее, под нею, мышиные норки были. Распляшется заяц — сыплется в норках земля с потолка, пугаются мышата.

Просили мыши зайца:

— Ты потише пляши, не так громко лапкой притопывай. Ведь норки — наши дома, в норках наши детки. От твоей пляски они плачут. Случается, что ты у иной норки и потолок проламываешь, дождь в нору льётся. Разве хорошо только о своём веселье думать, а о других не заботиться? Плясал бы ты, заяц, на других полянках, где наших норок нет.

Заяц посмеивается, хвостом помахивает:

— Было бы мне хорошо, а до вас мне дела нет. Молчите, пискуньи, а то и сам спляшу и других зайцев со всего леса на вашу полянку приведу — и так ли распляшемся, разыграемся!

И с утра опять на полянке пляску затеял, да какую! Пыль столбом!

Наплясался — уснул под кустиком. Тут-то ему мыши хвост и отъели. Остался от хвоста кудрый огрызок — такой, как у нынешних зайцев.

Проснулся заяц — нет хвоста! Искал его, искал — не нашёл. Дознался у лягушек, что его хвост мыши в клочки изгрызли.

С той поры и стали зайцы не днём, а по ночам играть. А днём они спят. Усни ночью — мыши и остаток хвоста отгрызут.

И спят зайцы с открытыми глазами, чтобы вовремя мышшь заметить.

А плясать любят по-прежнему. Только такие полянки выбирают, где мышинных нор нет.

ДЕРГАЧ НА ВАХТЕ

X ОРОШО соловей поёт, ничего не скажешь. Соловьиной песней майская ночь красуется. Сидел бы на краю леса, смотрел бы на зорьку и слушал бы, слушал соловья.

А дергач из куста:

— Кэrr, кэrrrr, кэrrrr!

Заскрипит, что ножом по ржавой сковородке. Да разве это песня? Один скрип.

Поёт, заливается соловей, скрипит, орёт дергач. И вдруг — замолчал дергач. И соловей замолчал.

Прошло немного времени — дергач заскрипел и соловей запел. Только дергач теперь в другом кусте оказался, и соловей на другое место перелетел.

Рассказали мне люди знающие, в чем тут дело.

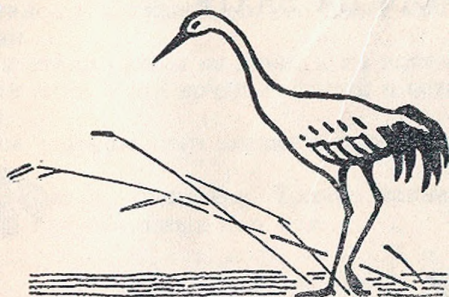
Было время — сердился соловей на дергача:

— Перестань скрипеть! Ты мою музыку портишь!

— Нет, соловей, я тебя охраняю. И ты к моему скрипу прислушивайся. Распоёшься ты — обо всём на свете забываешь. А к тебе лисица подползает или филин приглядывается... А я хоть и скриплю, но всё вижу и слышу. Подползёт к моему кусту лисица — я бегом, бегом под другой куст. И замолчу. Начнёт филин летать — опять я замолчу, и под другой куст. Где им меня взять? А ты пой и слушай — не замолчал ли я? Тогда остерегайся.

— Спасибо, буду делать, как ты учишь. А все-таки плохая у тебя песня, дергач, мешает моей песне!

— Вот это уже зря! Весной каждый по-своему поёт. Изо всех-то песен большой хор получается. Не гордись собой, своей песней: весенняя ночь из ста песен сложена, и все вместе — хороши.

СИНИЦА у журавля допытывалась:

— Куда это вы осенью всем своим журавлиным народом улетали и зачем?

— Куда? Видно, что ты мало ещё жила: много спрашивать любишь. Улетали мы в теплые страны, где зимы не бывает. В Африку. Слышала о такой?

— Впервые слышу. А разве у нас хуже?

— Было бы хуже, мы бы весной обратно не прилетали. По нужде мы в Африке зимуем. У нас зимой болота замерзают и лягушки тоже. Чем нам питаться? Это тебе хорошо: ты маленькая, умеешь и в мёрзлой коре букашек находить. А мне лягушек надо.

— А есть в Африке какие-нибудь особенные птицы или только наши, что зимовать туда улетают?

— Погоди, не торопись... Так вот, прежнее договорю — по нужде мы в Африку улетаем. Там лягушки круглый год живут. Только наши вкуснее.

— Ну, а птицы, птицы-то какие в Африке?

— Есть и наши, что тоже там зимуют. Есть и тамощные. Страус, например. Большущая птица, ноги длинные. Летать не может, зато бегаёт...

— А маленькие, вроде нас, птички есть?

— Не даёшь ты мне, торопыга, по порядку ответить. Есть птицы и поменьше, вот хотя бы попугаи. Видывал я там зелёных попугаев. Будто из свежей травы сделаны, на головке хохолок красненький, нос крепкий, только некрасивый, короткий, не как у журавлей. Лапки тоже некрасивые, не журавлиные, короткие, и пальцы на них — два вперед, два назад, чтобы по стволам деревьев легче лазить было. В болоте с такими лапами пропадёшь, увязнешь... Да ты где?

Оглянулся — нет синицы. Не дослушала журавлиного рассказа, соскучилась, улетела.

— Экая невежливая, — проворчал журавль, заметил под кустиком лягушку, проглотил её и о синице позабыл.

А синица той порой берёзовой рощей пролетала. И вдруг видит... попугая. На берёзе. Точно такого, как журавль рассказывал.

На весь лес зацвинькала, всех птиц удивила:

— И у нас Африка, и у нас попугай есть! Зелёные, как из свежей травы, хохолок на голове красненький, лапки коротенькие, два пальца вперед, два назад, чтобы по стволам легче лазить было. Летите сюда, знакомьтесь с попугаем! И у нас зимы не будет!

Всех переполошила, мечется от куста к кусту, от дерева к дереву, от дупла к дуплу, от гнезда к гнезду.

Слетелись на синичкин крик птицы и большие, и малые. Да что там: заяц и тот прискакал, барсук из норы нос высунул. Спрашивает:

— Где Африка, где попугай? На какой берёзе?

И журавль синичкину новость услышал, заинтересовался, пришагал в рощу.

— А ну, показывай попугая!

— Вон, вон, на той старой берёзе!

Глянули птицы и журавль с ними на попугая — и в смех. Заяц за ухом почесал и тоже смеяться начал. Только барсук рассердился, спрятался в нору.

— Эх, ты, синичка-болтушка, — кричат птицы. — Да какой же это попугай? Это зелёный дятел!

— Да у него красный хохолок!

— Так и у всех дятлов хохолки есть.

— А на лапках у него два пальца вперед, два назад...

— Так и полагается той птице, что по стволам деревьев лазить должна. А ты и не знала?

Но синичка, поняв, что зря кричала, шмыгнула в куст, стороной — и на другой край рощи. Уселась на веточке да журавля и попрекнула:

— Наговорил что попало, в неудобное положение меня поставил. Вот болтун!

Такая уж птица синица: никогда себя виноватой не признает.

ЛАСКОВАЯ ЩУКА

МИЛЫЕ мои малыши-глупыши, — сказала щука стайке пескарей. — Подплывите ко мне поближе, я вам дам несколько добрых советов.

— Говори, тётенька, — ответил старший из пескарей. — Нам и отсюда слышно.

— Ну вот, какие вы упрямые! — поморщилась щука. — Сегодня такой хороший летний день, такая чистая, светлая вода, что у меня прекрасное настроение. Хочется всем сделать доброе. Ну, если вы ко мне подплыть не хотите, я сама к вам подвинусь поближе.

Щука чуть повела хвостом и очутилась у большого серого камня. Но и пескари чуть шевельнули хвостиками и опять оказались на прежнем расстоянии от щуки. Щука будто и не заметила этого, заговорила ещё ласковее:

— Вот, например, очень вы земляных червяков любите. А знаете ли, что во многих из них может быть острый-преострый крючок?

— Это мы знаем.

— Научу вас, как таких червей с крючками остеречься. Прежде чем червяка в рот взять, вы наверх взгляните, на берег — не сидит ли на нём человек? Иногда он прячется, но удочка у него всегда над водой. Такая длинная палка без сучков и листьев...

Щука ещё подвинулась к пескарям, но они опять на столько же отплыли. Спросили:

— А почему, тётенька, ты о нас так беспокоишься?

— Если вас человек всех выудит, мне скучно будет. Вы такие толстенные, вкусные... тьфу! Никак, я проговорила?

В смущении она вильнула хвостом и подняла муть со дна. Пескари бросились было ловить что попадётся, но тут же спохватились и вернулись на прежнее место. Щука притворно зевнула. Пескари, поняв это по-своему, метнулись кто куда.

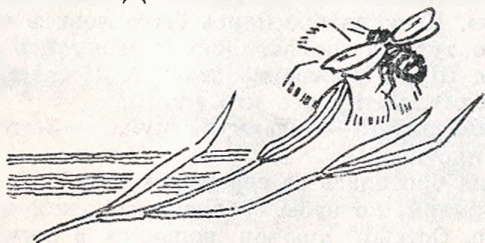
— Удрали! — вздохнула щука. — Закушу-ка я вот этой плотицей!

Она бросилась за серебристой рыбкой, проплывавшей рядом, но зубы её лязгнули, скользнув по этой рыбке. Острый крючок вонзился в щучью пасть, и щука заболталась на конце лесы.

В последние секунды ей показалось, что вслед раздается хихиканье пескарей. Наверно, она не ошиблась. Стайка вернулась к серому камню, и старший из пескарей сказал:

— Этак-то и мы умеем на крючке болтаться. А еще опытная, учила нас!

НА ВСЕХ НЕ УГОДИШЬ

ЖАРКО. Сухо. На выкошенных лугах кузнечики растрецались. На пеньках, кочках, камушках ящерицы греются — рады солнцу. Стрекозы над рекой носятся, будто самолётчики с прозрачными оранжевыми или синими крылышками. А пчёлам, шмелям в такой день работы хоть отбавляй — отдохнуть некогда.

Лупоглазые лягушки недовольны. Даже те из них, что спозаранку в пруды и ручейки забрались, ворчат:

— К чему такая сухота, такая жарница? Вода должна быть прохладной, а теперь она, как парное молоко, никакой в ней бодрости нет!

Крот из норы мордочку высунул:

— Ай, яй-яй! Как у вас наверху жарко! У меня в норе лучше, но и то дождевые червяки глубоко спрятались. Устанешь, пока до них доберёшься.

Прошумел над лугами ветерок, услышал лягушечью воркотню, пожалел лупоглазых:

— Я сейчас дождевую тучу пригоню. Оно и впрямь суховато и жарко!

И вот уже заворчал гром за лесом. Выползла на небо грозовая туча с дождём, тёмная, пухлая, сердитая. Молниями по земле хлещет.

И давай лить, поливать. Трава зеленью заиграла, как весной, ручьи забурлили, по реке — пузырьки. А туча льёт, поливает.

Отгремела, отшумела свое и уползла. Солнышко опять выглянуло.

Кузнечики недовольны. У них от дождя вся музыка подмокла. Ящерицы озябли, спрятались в теплые щели в пнях и кочках. Стрекозы попрятались — с мокрыми крылышками не полетишь.

А лягушкам — радость. Вылезли на луга, скачут туда и сюда.

Крот опять из норы нос высунул:

— Ах, какое безобразие; чуть я в норе не утонул, хорошо, что сухую запасную заранее выкопал, там и отсиделся.

Пчёлы и шмели на цветках под солнышком сушатся. Им скорее за мёдом лететь надо.

— Ну вот, разве на всех угодишь, — сказал ветер. — Пускай завтра опять сухо будет, не пригону тучу.

Да это он так. Шутит. Он добрый. Знает — без дождя нельзя ничему живому. И без солнышка тоже. Всею своё время должно быть.

СЫН ЛУНЫ

Г ОВОРЯТ, летняя ночь похожа на чёрный бархат. Так ли это? Разве бывают на бархате такие ясные звезды, как в ночном августовском небе? Разве пахнет от бархата спелыми яблоками, росистой травой?

И нет на бархате светлячков. Изумрудно-зелёными холодными огнями мерцают они в росистой траве.

Прошуршала в траве лесная мышь. Увидела светлячка, удивилась. Спрашивает:

— Ты кто такой? Тебя съесть можно? А ты не совиный глаз? Я совы боюсь.

Светлячок важно:

— Нет, я не совиный глаз. Не бойся! И есть меня нельзя, потому что я сын луны.

— Луны? Да как же ты сюда попал?

— Там, на луне, очень сильный ветер был, вот меня сюда на землю он и сбросил. Сегодня луна на небе не покажется, потому я за неё светить должен.

— Свету от тебя, правда, немного, а всё-таки это удивительно, что ты к нам попал.

Побежала мышь к другим мышам, рассказала им о том, что лежит на травке у дороги сын луны и так красиво светится зелёным огоньком. Собрались мыши вокруг светлячка. И кузнечики сюда прискакали, и лягушки. Всем на сына луны посмотреть хочется.

Мыши спрашивают, есть ли на луне уютные норки и зёрнышки. Кузнечики допытываются, хорошо ли на луне прыгать. Лягушки своё — им знать хочется: а велики ли на луне болота.

А светлячок надулся, молчит, важничает. Гордится своим светом.

Разбежались лесные жители по своим делишкам.

Как только занялась утренняя зорька, светлячок светиться перестал, превратился в серого червячка с ножками-коротышками. Ни красы, ни приятности.

Мышь опять прибежала. Хочется ей ещё с сыном луны побеседовать. Искала, искала его — не видно нигде зелёного огонька. Кричит мышь:

— Сын луны, ты где? Отзовись.

— Я здесь. Ты же на меня чуть не наступила.

— И неправда, что ты сын луны. Ты червяк.

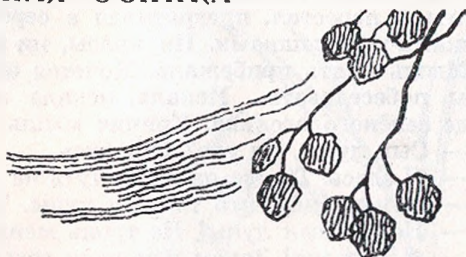
— Нет, я сын луны! Не тронь меня!

— А я трону! Зачем неправду говоришь?

И потащила его в свою норку мышатам на завтрак.

Так ему и надо: неправду не говори!

ЛЮБОПЫТНАЯ ОСИНКА

И А ОПУШКЕ леса молодая осинка-любопытница допытывалась у ветра:

— Ветер, ветер, весь день ты над лесами, над озёрами шумел, посвистывал. Почему же ты теперь не успокаиваешься, спать не ложишься?

— Эх ты, осинка, серебряная нога, разговорчивые листья, молода ты ещё, мало чего знаешь. Если к вечеру я не успокоюсь, значит переменится погода на утро. Было сегодня солнечно, ясно — будет завтра дождь. И наоборот бывает: весь день дождь шумит, и зот я разыграюсь к вечеру, разгоню за ночь тучи — опять погоде перемена.

— А почему ласточки с утра сегодня высоко-высоко летали, теперь же над самой землёй носятся?

— И об этом расскажу. Ласточки комариков ловят, ими кормятся. В сухую погоду и у комаров крылышки сухие, высоко они над землей поднимаются. Другое дело перед дождём. Мы ещё дождя и не ждём, а воздух уже сырой, и тонкие комариные крылышки сыреют, тяжелеют, жмут комаров к земле. Тут-то их ласточки и настигают.

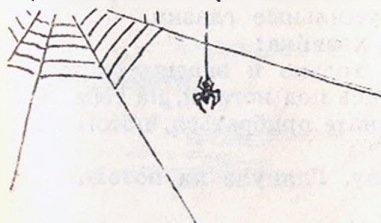
— Скажи мне, ветер, почему на том берегу рыболовы костёр развели и дым от костра не столбом кверху вьётся, а по земле стелется? Не так вчера было.

— Опять-таки это к дождю, осинка милая. Сыреет воздух, тяжелеет — не подняться дыму высоко.

— А скажи мне, ветер...

— Некогда мне, осинка. В другой раз с тобой побеседуем. Надо мне работать, тучи собирать. Пусть они над землёй тёплым дождичком прольются.

КОТ И ПАУК

ПРОСНУЛСЯ кот, зевнул, потянулся, сел. Потом, как и полагается хорошему коту, умылся и опять зевнул. Скучно! В доме тишина, люди на работу ушли. Спать коту больше не хочется, гулять тоже — на улице дождь. С кем бы поговорить?

Смотрел, смотрел кот по углам — увидел под потолком паутину, а рядом в щелке здоровущего паука. Начал с ним беседовать:

— Тебе, паук, не скучно?

— Нет. Я делом занят. Жду, когда муха в паутину попадётся.

— Противное ты существо, паук! Сам круглый, серый, лапы длинные, тонкие. А челюсти-то какие! Недаром тебя мухи боятся, и люди не любят.

— Мне до мух и людей дела нет. Муха попадётся — съем её. А люди зря мою паутину разоряют, меня из дома выгоняют. Я ведь только в такой квартире паутину развожу, где хозяйка-неряха еду на столе оставляет и посуду немытую. И окна марлей не закрывает. Мухи в такую квартиру летят и летят...

— У нас квартира чистая. Мух не водится. И мышей давно нет — я на этот счет строг!

Помолчали. Кот опять мурлычет:

— Так какая же от тебя польза, если ты только в грязных квартирах мух ловишь? Вот кабы ещё ты что-нибудь делал.

— Делаю. Слышал я, что в какой-то землемерный инструмент мою паутинку ставят. Там очень тонкая ниточка нужна, а что тоньше моей паутинки?

— Может быть, и так. Не знаю. Это люди знают. Никак, хозяйка идет? Наверно, мне чего-нибудь вкусенького несёт.

И кот завертелся у двери, стал выгибать спинку, крутить хвостом, делать умильные глазки.

Щёлкнул ключ, вошла хозяйка:

— Брысь ты, лодырь, только и знаешь спать да выпрашивать! Ну, не вертись под ногами, на тебе колбасы кусочек. Надо в комнате прибраться, потом обед приготовить.

И она взялась за метлу. Глянула на потолок, а там — паутина.

— Фу, гадость какая!

Смахнула паутину в мусорное ведро. Паук забился в щель, переждал беду, и боком, боком — в соседнюю квартиру.

— Может быть, там неряхи живут. Ну и пристроюсь у них, — думал он, пролезая в щель под дверью.

ЗНАТНАЯ РОДНЯ

КРУТИЛАСЬ стайка снетков у старой свай. Кормилась чем придётся. А чуть покажется щурёнок или окунишка — снетки брызгами в разные стороны. Да и то, надо сказать, — невелика рыбка снеток, а вкусная, и охотников на неё — тьма!

— Никакого уваженья к нам нет, — со вздохом сказал старый снеток. — А мы все-таки рыба не простая. У нас знатная родня не только в реках, но и в морях есть.

— А кто ваша родня? — полюбопытствовала плотичка.

— Мы — сиговые! — с гордостью сказал снеток. — Нам и хариус родня, и сиги, и форели, и....

— Постой, постой! Почему же вы не в родню, маленькие?

— Что ж поделаешь! Зато и мы вкусны, и мы в славе...

— Хороша слава — на сковородке хвалят! А всё-таки это интересно: у такой маленькой рыбки и такая знатная родня.

— У меня родня тоже знатная, да мало кто об этом знает, — донёсся сильный голос из норы под камнем.

— Это кто говорит?

— Я. Налим! У меня ближайшая родня — океанская рыба треска! Вот как!

— Треска? Да ты, дядюшка налим, и не похож на треску нисколько.

— Рылом и телом, верно, не похож. А так вся статья у меня тресковая. Я — пресноводная треска. Понятно? Люди говорят, у меня и вкус трески, ежели меня посолить...

— А вам этого хочется?

— Тьфу! Вот вылезу да хвачу тебя за хвост...

Подплыл голавлик:

— О чем разговор? Что вкусное нашли?

А узнав, что снетки и налим родней хвалятся, хихикнул:

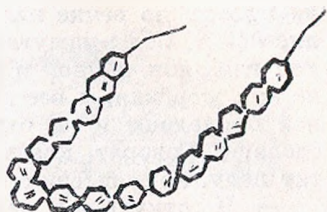
— Стоял я сейчас под мостом, а на мосту мальчишки сидели и тоже родней хвалились. У одного дядя пилот, у другого — морской капитан, у третьего — инженер. Шёл какой-то человек мимо, остановился, послушал разговор и спрашивает, какие у ребят отметки по... арифметике. Есть, — говорят, — и тройки, случаются и двойки. А прохожий им: «Ваша родня — пилоты, капитаны, инженеры — оттого ими и стали, что двоек по арифметике не хватало. Вы бы об этом подумали, а не родней хвалились».

— А мальчишки?

— Не знаю. Я уплыл. А куда снетки убежали? Сейчас тут были, я их издали заметил, хотел поговорить с ними.

— Так они тебя и будут ждать. Знают они твои рассказы, — заметила плотица и отправилась по своим делам.

ЖЕМЧУЖИНКА

НАШЛА рыбка-плотичка на речном дне, на чистом песке кругленький белый с прожелтью камушек. Попробовала его на вкус — не зёрнышко ли? Нет. Камень. И ракушкой пахнет!

Заметили это и другие плотички — собрались стайкой у камушка. Каждая его попробовала. И все в один голос:

— Простой камень. Мало ли таких в нашей речке!

К плотичьей стайке лец-старик подплыл. Пощупал камушек толстыми губами, обратно его на песок выбросил:

— Жемчуг это. Давненько я его не видывал.

— Жемчуг? — ахнули плотицы. — Не может быть! Жемчуг только в тёплых морях-океанах бывает. А у нас простая северная речка!

— Ну и что ж из этого? — сказал лец. — Молоды вы. А я порядком-таки пожил, пять раз на удочку попадался, а вот — уходил! И мне ли о речном жемчуге не знать, коли мои отцы и деды мне о нём рассказывали.

— Дедушка, расскажите и вы нам о жемчуге, — пристали любопытные плотицы. — Это так интересно!

— Да что рассказывать-то? Есть ещё в наших речках такие раковины. Люди называют их речной перловицей. Да вы сами видывали их на дне. В этих ракушках живёт, как его... моллюск, что ли, — запомывал. У моллюска тело нежное, приходилось мне его пробовать. Попадёт на него камешек простой, а уменья выкинуть камешек у моллюска нет. Камешек тело царапает, и начинает моллюск его потихоньку тем же покрывать, из чего и свою раковину делает. Обрастёт камешек белым — вот и жемчуг.

— И всё?

— Г-м! Может, и не всё. Нам, рыбам, этот жемчуг ни к чему. А люди в старину его ценили. Бывало, на плотах по речке плывут и черпаками ракушки со дна ловят. Воды намутят — беда! Ракушки расковыряют: глядишь, в иной и жемчужинка есть. Маленькая, не как морская, а все-таки жемчужинка. Дырочку в ней проделают и на одежду нацвуют, либо ожерелье сделают. Говорят, красиво получалось. Теперь не мутят воду, не добывают жемчуг...

— И откуда вы, дедушка, столько знаете? — восхитились плотицы.

— Поживи с моё — узнаешь. Ну, пора мне после обеда и отдохнуть.

И поплыл в свой уютный омут...

Плотицы тоже в разные стороны разбежались. А жемчужинка осталась на песке. Так, простой с вида камешек — белый с прожелтью. А сколько песен про этот жемчуг в старину было спето!

ОБА ХОРОШИ!

УКА с ершом поссорилась. В реке этому никто не удивился: редкий день у них мирно проходит.

Щука против ерша — громадина, а ершишка-то и весь с палец, щуке на один глоток. А вот — не выходит! И ловок ёрш, и сметлив, а главное, колюч!

Проглотила щука на завтрак малую плотичку и дремлет как ни в чем не бывало у кустика подводной травы. А ёрш из-за камня:

— Обжора ненасытная! Опять разбойничаешь?

— Замолчи, задира! Счастье твоё, что не ты мне попался!

— А вот не боюсь, не боюсь!

Мелькнул у щуки под рылом, та и пасть раскрыть не успела — шмыг за камень и опять за своё:

— Когда ты разбойничать перестанешь, мутноглазая? Всем ты в реке надоела!

— Это ты всем надоел!

— Неправда! Я рыбка маленькая. Меня даже люди хвалят, говорят, что из ершей уха вкусная.

— Что-то ты в эту уху не торопишься. Давно бы пора!

— Первой ты в пирог угадай! И за дело! Сколько ты рыбёшек за свою жизнь проглотила! Не стыдно?

— А ежели я есть хочу? Потом не забывай: я здоровую да бойкую рыбёшку не схвачу. Моя добыча — та рыбка, что больна, тихо плавает. Я такую рыбку съем — другие не заболеют. Меня люди речным санитаром называют...

— Хорош санитар — больных ест! Вот я так ни одной рыбки не проглочу. Мне и червяков достаточно!

— Ах ты, лупоглазый! Да ты первый разбойник в реке. Ты кто? Ты — икрод! Не успеет рыба икру вы-

метать — ты тут как тут со всей своей породой. Столько икры слопаете, столько будущих рыбок загубите за один день, сколько мне, щуке, за сто лет не проглотить!

— Всё равно ты обжора, обжора, обжора!

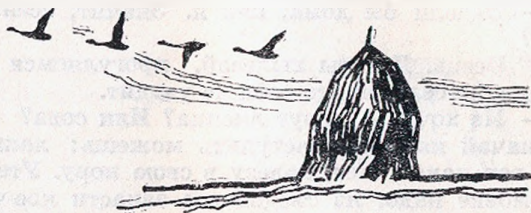
— Вот я тебя!

Метнулась к ершу, а ёрш того и ждал. Хвостиком махнул, за камень вильнул — пронеслась щука мимо...

Старый лещ неподалёку в тине копался, червяков искал. Слышал эту ссору, пробурчал себе под нос:

— Оба хороши! Разбойники!

ОТЗВЕНЕЛИ ПЕСНИ

СТАРЫЙ крот, угрюмый работяга-землекоп, время от времени из своей норы выглядывает: надо же и свежим воздухом подышать, лесные новости узнать. Осторожен крот, из норы только кончик усатого носа высовывает. Мало ли что, а этак лучше — попятиться и дома.

И хотя нет у крота часов, а знает, когда вечер наступит. Тут-то и выглянуть на свет можно.

Вот и сегодня выглянул. А тут как раз барсук за жуками охотится. Дружит он с кротом, оба — землекопы.

— Вылез? — спрашивает барсук.

— Угу!

— Ты бы от норы подальше отошёл, прогулялся. Жука бы нашёл, съел. Они вкусненькие, жуки-то! И лягушата!

— Трава от росы мокрая. Ещё шубу свою промоchu, простужусь.

— Подумаешь, сырость какая! Да у тебя в норе не суше.

— Зато тепло и ветра нет. А почему сегодня так тихо? Почему птицы не поют?

— Отпели птицы своё. Осень на носу. Понял?

— Не всё ли равно когда петь — летом или осенью? Я всегда молчу, а они ежели поют — всегда петь должны.

— Нет, крот, не так! Весной птицы пели — солнцу, теплу радовались, когда у них птенцы появились — потише, но пели, детей потешали. Теперь детки у птиц выросли, из гнёзд разлетелись...

— Пели бы и детки.

— Чудак ты, крот! Детки теперь ещё только петь учатся. Да и не до песен теперь птицам: готовятся они от зимы, от холода в тёплые края улетать.

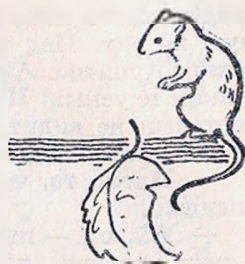
— Сидели бы дома, как я. Значит, осень наступает?

— Осень. Да ты вылезай, прогуляемся вместе. Солнышко село, никто тебя не увидит.

— Не хочу! А вдруг лисица? Или сова? Да и ты невзначай на меня наступить можешь: лапища-то у тебя вон какая. Нет, полезу в свою нору. Утеплить её к зимовке надо, из съедобного запасти кое-что. Прощай. Некогда мне.

— И мне некогда! Брусника поспела. Сочная. Надо ею покормиться, пока люди с корзинками за нею не пришли.

ПЕРВЫЙ ЖЁЛТЕНЬКИЙ

БЫВАЕТ и у полевых мышей праздник. Не по календарю, а когда еды много и погода хорошая.

Вот и сегодня мама-мышь сказала своим мышатам:

— Умывайтесь получше, шубки свои пригладьте. Гулять пойдём на край поля, в лес.

Лесом мышь называла кусты у дороги. Настоящего леса она и не видывала. Впрочем, для мышей и кусты — лес.

И сама принялась за дело. Норку прибрала, своим хвостиком подмела и тот же хвост бантиком завязала. Для красоты. И мышата хвостики свои бантиками завязали. В две петельки каждый.

Пошли. Вернее, побежали: мыши шагом ходить не любят. Всегда торопятся.

Тихо в поле. Отшумели комбайны и жнейки. Но зёрнышки на земле кое-где на радость мышатам ещё попадались.

Мамаша то и дело покрикивает:

— Не отставать! Не бегать по сторонам. Вы ещё маленькие!

Солнышко греет ласково, хорошо. По жнитву паутинки радужные.

— Это, детки, — рассказывает мышь-мама, — бывает только после уборки хлебов. Паутинки полетели — значит скоро и на деревьях жёлтые листья появятся, осень наступит.

— А какая она? — пищат мышатки.

— Холодная, тёмная, даже днём. А ночи такие тёмные, чёрные даже. И дождь, дождь. То и дело может норку залить. Но я вас научу, как от дождя спастись. Зато, когда много жёлтых листьев на землю

упадёт, любо нам, мышам, бегать под ними в хорошую погоду. Под листьями тепло, свет золотистый, пахнет приятно. А сколько тогда на листьях букашек всяких вкусных! И ещё то хорошо — никто тебя под листьями не видит.

Но тут же вздохнула:

— Плохо то, что слышат нашу беготню. Особенно лисицы...

— Ай, ой, — пискнул один мышонок, и от испуга у него хвостик развязался. — Вот, вот — на земле первый жёлтенький листик. Бежим обратно в свою норку. Осень!

— Ну, ну, не пугайся! Завяжи опять хвостик — могут знакомые мыши встретиться. А этот листик ещё не осенний. Его червяк подточил, вот он до срока пожелтел и свалился. Пойдёмте дальше.

Но тут же сама присела и зашептала:

— Тише! Вон там, посреди поля на шесте, ястребок-кобчик сидит, поглядывает — не бегают ли где мыши? Когти у него острые-преострые! Ох уж эти люди, жалко им для мышей зёрнышек, везде на поле шесты с перекладинами для кобчиков наставили на нашу беду. Марш в свою норку. Да развяжите бантики поскорее, бежать мешают. А всё мода, мода!

ВЕСНОЙ, когда солнце хорошо прогрело муравейник, взялись муравьи за работу. Надо и муравейники починить, и новые этажи надстроить, и ребяташек вырастить, выучить, и корма на будущую зиму запасти.

Работы не впрокор, а вместе и дружно — кипит дело! Зато вечерком и отдохнуть сладко под последними лучами солнца, послушать птичьих песни.

Отбилась как-то одна муравейка от своих, брёл, брёл неизвестными тропами и добрёл до большого дома. Пролез под одну дверь и попал в кладовую.

Темненько в ней было: только и света туда попадало, если кто из людей дверь на миг приоткроет. Зато вкусно в кладовой! Не то, что в лесу! Вот банка с малиновым вареньем, вот горшок со сметаной, вот кринка с мёдом. И сушёные яблоки, и сахарный песок! Красота!

Лакомится муравейка и о своём муравейнике позабыла. Поест — и спать, выспится — опять сладкого поест.

Так она до осени в кладовой и прожила. Да стала хозяйка кладовую прибираться, прошлась по ней веником и выкинула муравейку вместе с мусором за порог кладовой.

А на улице уже холодно. Солнышко греет плохо, земля сырая.

Вспомнила муравейка о своём муравейнике. Ах, хорошо там сейчас, тепло, уютно, знакомых — тьма!

Хоть и с трудом, а отыскала муравейника. Окружили его другие муравьи, удивляются: какой толстяк к ним пришёл? И где он только жил, чем питался?

Хвалился, хвалился муравей своей сладкой жизнью.
Под конец говорит:

— Теперь-то я дома. Буду с вами вместе дома жить!

— Нет, — говорят ему. — А ты с нами муравейник строил? Нет. Ты с нами детишек выкармливал? Нет. Ты на зиму с нами вместе зёрна собирал? Нет. Так какой же ты нам товарищ? Ты — дармоед.

— Братцы, да что вы? Я же свой!

— Чужой ты нам! Иди в свою сладкую кладовую.

Набежала на солнышко тёмная тучка, похолодало.
Муравьи — бегом в муравейник. Попрытались в нём, все входы-выходы закрыли...

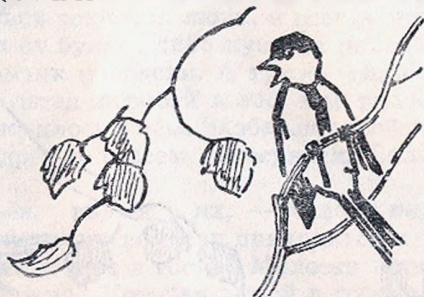
Хныкал, хныкал сластёна и вдруг куда-то пропал.

Какая-то птичка его склонула.

ПОСЛЕДНИЙ КОМАР

В

СЮ НОЧЬ ветер работал: срывал с деревьев жёлтые листья, устилал ими стынущую землю. К утру устал, прилёг и замер.

Выглянуло солнышко, пригрело леса и луга.

Стайка синичек рассыпалась по старой ольхе, ищут в складках мшистой коры личинок и букашек, что от холода совсем вялыми, сонными стали.

— Не тронь меня! — пропищал комар, приютившийся под сучком. — Не тронь меня, синичка! Ты знаешь, кто я такой? Бойся меня!

— Знаю, — отвечает синичка. — Ты — комар-кровосос. Много вас летом было, очень вы всем надоели.

— Ага! Поняла? Я самый сильный, самый смелый, самый кровожадный!

— Не очень тебя и боялись, противного! Сколько вашего брата ласточки, стрижи, козодои уничтожили, сколько коровы, лошади хвостами захлестали. Ни от кого вы, комары, доброго слова не слыхивали, все вас бранили. Нашёл чем гордиться! Стукнуло теперь вас морозом — так вам и надо. Да тебе ещё повезло, жив до сих пор!

— В-ззз-и-и-и! Что значит повезло? Вот согреюсь и полечу чьей-нибудь свежей крови искать!

— Прошло, комар, твоё время! Склонула бы я тебя да уж очень ты тощий, ноги тонкие. А зла много.

— Много, много!

Но тут спряталось солнышко за тучку, дунул ветерок, сбросил комара на траву — там его мышь и съела.

А синичка голову набок, глянула вниз и говорит:

— Жило — не мило, и околело — не жаль!

ВОРОБЕЙ В ЛЕСУ

НУ ВОТ, — скажет иной. — Да разве воробьи в лесах живут? Они к людским селениям привычны. Верно, иной раз увидишь воробьёв в поле да и то, если оно недалеко от деревни.

Но случилось так, что один молодой воробей в лесу побывал. Попал он туда по приглашению синицы, что зимою была в городе и познакомилась с воробьём. Очень хвалила она лесную жизнь.

— А зачем же ты в город прилетела? — спросил воробей.

— Надо же и в городе побывать, — объяснила синица. — Вон у вас в садах и парках сколько деревьев от мошек-букашек не очищено. Вы, воробьи, этим мало занимаетесь, зато нам дело есть на всю зиму. Так прилетай ко мне в гости! Прилетишь?

— Обязательно! — ответил воробей. — Ты мне свой адрес дай.

— Мой адрес простой, ты его сразу запомнишь. Как в лес прилетишь, ищи третий ручей. Это от дороги. Ну, а там ещё проще — седьмая берёза, пятое дупло.

Стало вешнее солнышко пригревать — улетела синица в лес. А воробей приглашение не забыл...

В летние дни, когда очень уж пыльно и душно стало в городе, отправился воробей в лес.

С непривычки к дальним перелётам он скоро устал и хотел было вернуться домой. Но тут подвернулся грузовик с ящиками в кузове. И людей в кузове нет. Устроился воробей среди ящиков и добрался до леса.

Сначала лес ему понравился. Деревьев гораздо больше, чем в городском парке. Но нет дорожек, посыпан-

ных песком, нет ларьков, в которых торгуют вкусными вещами. У ларьков толпятся люди, и всегда можно найти либо крошки от булки, либо кусочек печенья, а при удаче даже ломтик колбаски. А тут — тихо!

Но чем дальше летел воробей в лес, тем темнее и даже страшнее становилось в нём. Вдобавок воробей позабыл синичкин адрес и совсем растерялся. Спасибо дятлу — помог:

— Знаю воробьёв, видывал их, — сказал он, — Мне по моему плотничьему ремеслу приходится и в городе бывать. Значит, к нам в гости? Милости просим! Ах, тебе синичка нужна? Которая зимой в городе жила? И её знаю. Вон лети на ту берёзу с сухой вершиной. Там синичкино дупло.

Синичка радостно встретила воробья. Первым делом пригласила его пообедать.

Прилетели они на старую ольху — синичка угощает:

— Смотри — вот гусенички. Жирные, вкусные! Вот жучки. Кисленькие! Угощайся.

И начала попрыгивать по сучкам да так ловко! То и дело в клюве у неё добыча.

Склянул воробей гусеничку, склянул жучка. Не очень ему это понравилось. Главное — вертеться надо, всё время работать. И голова у воробья заболела, и лапки.

— А может, мы лучше к дверям булочной слетаем, крошек поищем? — говорит он синице.

— У нас в лесу булочных нет. Что, гусеницы не по вкусу? Так не желаешь ли ягод? Вон — земляника, а там черника. И костяника есть...

— Ну, тогда полетим на рынок. Там на земле можно семечки найти. Подсолнечниковые. И даже тыквенные.

— Какие у нас в лесу рынки? — удивилась синица. — У нас и так еды много всякой. Только работай.

Не очень-то воробью это понравилось. И голодным быть не хочется. Пришлось работать. Глотал жучков и вспоминал о своей городской жизни! Там лишь не зевай, подбирай с земли вкусненькое...

Запили обед водой из лесного ручья. Воробью и это не понравилось:

— Как-то у ларька мальчик лимонад пил, пролил немножко на асфальт. Я попробовал. Разве сравнишь лимонад с этой водой? Никогда! — похвалился он.

— Не знаю. Не пробовала, — ответила синица. — По-моему, наша вода чистая. Вся перед тобой. Не надо ждать, когда лимонадную лужицу нальют. Ну, теперь отдыхать.

Синица своих знакомых пригласила на встречу с воробьём.

Началась беседа. Расчирикался воробей:

— Я живу в городе очень культурно, не как вы здесь в лесу. У меня замечательная квартира под железной крышей. Немного тесновато и жарковато летом, но при первом же случае я её обменяю. А зимой я занимаю скворечник. Очень удобно!

— Почему же вы в нём всё время не живёте?

Воробью не очень хотелось говорить, что весной скворцы выгоняют его из скворечника. Схитрил:

— Надоедает жить на одном месте.

И продолжал хвастаться:

— Живёте вы тут скучновато. А у нас в городе — театры, кино, музеи, библиотеки. Культура! Не то, что у вас. Одни дупла!

— А вы часто бываете в театрах? А какие там пьесы вы видели? А в кино что показывают? А что вы читаете в библиотеке? — посыпались вопросы.

Как быть? Не признаваться же в том, что воробей только сиживал на крыше театра или кино да разок в окно библиотеки заглянул. Книжки видел, а что в них — и не знает.

Завертелся:

— Об этом надо не один вечер рассказывать. Да и не поймёте вы меня. Для этого надо многое — и образование и прочее... Жаль мне вас в вашем лесном захолустье!

— Так, так! — сказал кто-то с соседней берёзы. Это дятел выглядывал из своего дупла. — Интересно, воробей! Рассказывай!

Воробей сделал вид, что не заметил дятла. Продолжал потише:

— А сколько у нас в городе машин, какие стройки!

— Это мы и по деревням, и даже в лесу видим, — цвинькнула какая-то синичка. — И тракторы видим, и комбайны...

— Всё это не то, не то! А сколько у нас всяких школ!

— Вы на какой стройке работаете? Кем? Или учитесь? На кого? — опять посыпались вопросы.

Соврал бы воробей, отвечая, но дятел из своего дупла:

— Помолчи лучше! Знаю я тебя! Нигде ты не учишься, и не работаешь, и в театре не бываешь! Шатаешься по помойкам, крошки у булочных подбираешь. Лодырь ты, вот кто!

И сердито шмыгнул в свое дупло.

— Какой грубый! — сказал воробей. — Некультурный! Ему только в лесу и жить.

— Нет, он очень справедливый, — заметила синица. — Да вы рассказывайте. Он уже спит.

Однако воробьиные рассказы пошли дальше с запинкой. Синицы послушали, послушали его и одна за другой разлетелись.

— Ну вот, и вечер настаёт, — сказала хозяйка дупла. — Теперь начнётся наша художественная самодеятельность.

— А это что такое? — осведомился воробей.

— Мы петь будем. Вот слышите, зяблик своё запел. Ах, хорошо! Какой звонкий чистый голос! Слышите? Это малиновка. А это иволга свистит.

И сама зацвинькала тоненько, но приятно. Влилась и её песенка в лесной хор. Вершины берёз словно кто алым золотом облил — это закатное солнышко с ними прощалось. В чистом небе пухлые облачка на месте застыли, заслушались птичьих песен.

Но воробей сидел, хмурился, думал:

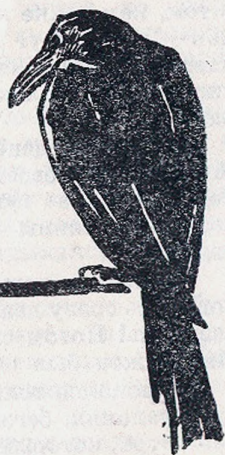
— И зачем я такую дорогу сделал, зачем сюда прилетел? Зря!

Проснулись утром чуть свет. Опять пришлось завтракать гусеницами и жучками. Занялись после завтрака лесные птицы своими делами, а воробью скучно. Кабы в уличной пыли покопошиться, с другими воробьями подраться. Вот там у воробьёв лёгкая жизнь, одни удовольствия. Не надо клювом по дереву долбить.

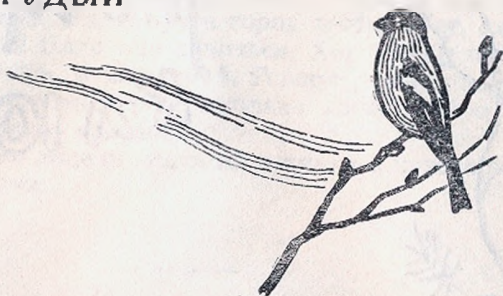
— Что-то нездоровится мне, — сказал он синице. — Придётся к доктору в город лететь. Нет, нет, не уговаривайте! Надо мне лечиться. Хорошо бы путёвку на юг получить, в санаторий. Говорят, там только пирожные едят и винограда сколько хочешь. При моих нервах это очень полезно...

...Днём его видели опять на ящиках в кузове попутного грузовика.

Могучие Клювы

КРАСНОГРУДЫЙ

В ЧУЛАНЕ, среди разного хлама, нашёл я старую клетку для птиц. Я позабыл, зачем пришёл в чулан, и с клеткой бросился в дом.

— Старая знакомая, — сказал мне отец, увидев клетку. — Держал я в ней когда-то птиц. Ты ее почисти, почини. Потом поймаем чижа или снегиря...

— Снегиря, только снегиря! — закричал я. — Я каждый день снегирей за гумнами вижу. Пухленькие, красногрудые.

— Снегиря поймать не трудно, — согласился отец. — Научу тебя ловушку смастерить. Нехитрое дело. Только уговор: поймаешь снегиря — ловушку домой, и в печку ее. И другим ребятишкам ни слова о том, как такие ловушки делаются. Вам только волю дай — всех пичуг для пустой забавы переловите, замучаете! А одного снегиря можно. Птица эта серьёзная, уживчивая. Только песенка очень простая: «рюм, рюм».

На другой день ловушка была сделана. Спрятал я её под полой своей шубёнки, чтобы другие ребята не видели — и за гумна. Установил ловушку на снег, посыпал мякины для приманки снегирей. Всё в порядке!

Проверять ловушку я бегал каждый час. Сначала попались сразу два воробья. Отпустил их. Подумаешь — невидаль! Потом синичка попалась. И её я отпустил. Мне нужен был снегирь — красногрудый, спокойный.

Он попался только под вечер. Бережно держа птичку в ладонях, бегом мчался я домой. Бежал, не замечая ветра, который всё злее шумел в вершинах старых берез, швырялся снегом в моё лицо.

Накрыли мы клетку со снегирем темным платком, подвесили к потолку у окна. Нечего говорить, что я заранее в клетку корма насыпал для своего пленника, воды в плошке поставил.

Пожинали. Тихо стало в доме. Мать пряла, я готовил уроки, но то и дело подходил к клетке, становился на стул, тихонько приподнимал уголок платка, заглядывал под него. Снегирь сидел на жердочке. Спал. И я опускал платок, снова садился за книги.

— Ну и погодушка разыгрывается, — сказала мать.

Я прислушался. Ветер гудел над домом, во дворе хлопала калитка: позабыли ее прикрыть поплотнее. То и дело снег стегал по окнам, будто кто его горстями швырял.

— Февраль наступил, — отозвался отец. Он сидел на чурбанчике у топившейся лежанки. А я, взглянув на огонь в ней, вскочил:

— Папа, я ловушку за гумнами забыл!

— Ловушку? — нахмурился отец. — Плохо! Ты же обещал её в огонь бросить.

— Да. Папа, я за нею сейчас сбегая.

— Куда, куда! — закричала мать. — Непогода такая, темень...

Отец строго глянул на неё:

— Пусть прогуляется! Ошибся, слова не сдержал — надо ошибку исправить. Иди, сынок, метели не бойся, привыкай и к ветру и к морозу. Фонарь прихвати.

Когда я шагнул с крыльца на улицу, мне показалось, будто я погрузился в снеговое море, гудящее и свистящее сотнями голосов. Дыханье мне перехватило, по глазам хлестнуло снегом, огонёк в фонаре замигал и... потух. Эх, да не возвращаться же!

И я, наклонив голову, шурясь, задыхаясь, побрёл к гумнам.

За гумнами было ещё хуже. Ветер иногда так бросался на меня, что приходилось останавливаться, переждать. Дорогу перемело, и я то перелезал сугробы, то топтался на месте, пытаюсь догадаться, куда же идти?

Но вот и гумно. Ловушку я ставил в десяти шагах от его правого угла. Вот здесь... нет, здесь должна быть.

Моя рука нащупывает то старый слежавшийся снег, то мягкие полосы молодого снега. А ловушки нет. Неужели меня подкараулили ребяташки и утащили ловушку? Нет, они этого не сделали бы. Они прямо подошли бы ко мне, спросили бы, что я делаю. А вот если Федька Картошка...

И мне вдруг становится жарко.

Мы, ребятня, недолюбиваем Федьку Картошку. За что — сами не знаем. Не такой парень. Ну, как бы сказать... злой, что ли. Первый разоритель гнёзд, собак мучает, котят. И у нас это бывает, а у Федьки как-то особенно противно. Попадись ему моя ловушка в руки — он всех птичек в деревне и около неё переловит, передушит. Просто так...

Ловушки нет и нет. Унёс её Федька! Завтра надо мною же насмеяться будет. Ну, задам я ему!

Новый бешеный порыв ветра. Что-то слабо ударяет меня по ноге. Что это? Наклоняюсь — в моей руке ловушка! А в ловушке снегирь.

— Её ветром с места сорвало, — догадываюсь я. Теперь мне не страшна метелица. Я доволен.

Домой идти легче — ветер в спину.

С порога молча показываю отцу снегиря. Он также молча кивает мне головой, по-прежнему сидя на чурбачке у печки. Дрова в ней уже прогорели, жарко тлеют синими огоньками раскалённые угли. И я швыряю на них свою ловушку.

— Давай скорее на печь, грейся, — приказывает мать.

И я лезу на русскую печь. Ах, как тут тепло, уютно! И как мне вдруг захотелось спать! Закрываю глаза — опять передо мною чёрная стена гумна, струи снега, с шипением текущие с его крыши...

Вздрагиваю, зеваю. Подсовываю под голову отцовские валенки. Те, в которых он выходит на улицу. Почему-то они сырые, в мельчайших капельках только что растаявшего снега.

— Куда это папа выходил? — хочу догадаться я и не могу догадаться: сон овладевает мною.

Вот, казалось бы, и весь рассказ о Красногрудом — милой птичке, что быстро привыкла к людям, к новой обстановке. Уже через день мы не закрывали дверцу клетки: Красногрудый свободно летал по дому.

Иногда, сев на верх шкафа, пел грустненько «рюм, рюм, рюм», будто и в самом деле кто-то позванивал карандашом по краю тонкой стеклянной рюмки. Появлялся кот — и Красногрудый летел в свою клетку; кот недовольно подёргивал кончиком рыжего хвоста и пренебрежительно зевал.

В марте мы выпустили Красногрудого на волю, а клетку я бросил в чулан...

* * *

Там её и нашёл мой внук Миша много лет спустя после того вечера, когда я ловил Красногрудого.

— Старая знакомая! — повторил я слова отца, когда Миша поставил передо мною эту клетку. И предложил:

— Поймаем снегиря? Красногрудого. Милая птичка!

— Поймаем! — согласился Миша. И в тот же день мы сделали с ним птичью ловушку, а под вечер поймали снегиря.

И тут на меня посыпались вопросы — успевай отвечать:

— Дедушка, а чем Красногрудого надо кормить? А как он поёт? Он холода не боится, да? А что он зимой на воле ест? А ему не скучно одному в клетке будет сидеть? А он летать любит? А зачем ему в клетке сидеть?

На всё это я по-честному ответил и, когда сказал, что снегирю, действительно, скучновато будет одному в клетке сидеть, Миша на миг призадумался, а затем — раз-раз — достал Красногрудого из клетки, подбежал к окну, открыл форточку, и снегирь оказался на воле.

— Зачем же мы тогда его ловили? — спросил я Мишу.

— Поближе посмотреть, — ответил он. — Теперь я посмотрел и ты. И довольно. Пусть Красногрудый не скучает у нас. А я из клетки сделаю... вот что сделаю — гараж для синего автомобильчика. Ладно?

ЛИСИК

● ДНАЖДЫ к Виктору Павловичу, заведующему складом «Заготпушнина», зашёл охотник из дальней деревни:

— Ты бы, Павлыч, приехал ко мне. Лисёнок у меня есть, весной я его, ещё несмышлёныша, из лисьей норы добыл. Потешный такой. Теперь-то он подрос, а куда его деть — не знаем. Да и озорничать начал. До куриц добирается. Посадил я его на цепь и в конуру. Возьми его, отправь в город, в зоологический сад или ещё там куда, ты лучше знаешь.

— Ладно, — ответил Виктор Павлович. — С делами поуправлюсь — приеду, заберу твоего лисёнка.

— Ребятишки у меня его Лисиком кличут, — сказал охотник.

— Так и мы звать будем. Отправлю его в город...

И недели через две после этого разговора Виктор Павлович отправился в дальнюю деревню. Ехал он не торопясь, посвистывал, почмокивал на ленивую серую лошадку, разговаривал сам с собою:

— Вот и осень, Серко, наступила. Гляди-ка — жёлтый листик в березниках показался. А там и зима. Понимаешь это? Н-но-оо! Шагай, шагай!

На телеге, позади Виктора Павловича стояла высокая круглая плетённая из широких сосновых лучин корзина — для Лисика.

И вскоре Лисик оказался в ней.

— Славный зверёныш! — похвалил его Виктор Павлович. — Уши-то какие! Больше головы. А вырастет он в лиса — ушки маленькими покажутся. И хвост у него ещё тощий. Не опушился. Зато глаза лисьи: зелёные и с великой лукавинкой. Ну, поехали, Лисик, ко мне в гости!

Накинул на корзину сверху половичок, обвязал его верёвкой, и застучала телега, увозя Лисика к новой жизни.

В корзине Лисику вначале понравилось: пахло от неё смолистой сосной, а от сена, что лежало на дне корзины, — сухими полевыми травами... Лисик покружился, уминая сено, улёгся на него калачиком и стал дремать.

Но сон оказался беспокойным: телега тряслась, колёса гремели по колдобинам. Лисику это надоело. Захотелось взглянуть на новые места.

Попробовал зубом край корзины — поддаётся хорошо. И Лисик стал прогрызать дырочку. Прогрыз маленькую, просунул в неё чёрный любопытный нос — хорошо, интересно пахнет, не как на дворе, где он жил до сих пор. Заглянул в дырочку — видно что-то зелёное.

Тогда Лисик сделал дыру пошире и просунул в неё уже всю свою лопухую голову. Виктор Павлович, убаюканный постукиванием телеги, подрёмывал и лишь, когда перед ним мелькнуло что-то рыжее, спохватился, закричал:

— Куда, куда? Марш обратно!

А что для Лисика его приказ? Но, выскочив из корзины на волю, он не торопился и в лес убежать. Как-никак, а лес он почти не запомнил, и теперь с опаской поглядывал на кусты и деревья. Перепрыгнув придорожную канаву, он трусил теперь вдоль лесной опушки, не обращая внимания на призывные крики и даже свист Виктора Павловича.

— Да что же это я! — рассердился на себя Виктор Павлович. — Зову и свищу его, как собачонку. Он же этого не понимает. Всё! Убежал! Дикая он, диким и остался. Зря я сегодня день провёл. Тьфу!

Остановил лошадь, слез с телеги, обошёл её, осмотрел корзину.

— Ну, так и есть! Прогрыз дыру! Испортил корзину!

Сердито погрозив Лисику кнутом, вскочил бочком на телегу и задёргал вожжами.

А Лисик всерьёз занялся всем тем новым, что окружало его. То и дело из-под его лап выпрыгивали лягушки. Невкусные. Лисик это уже знал. Иногда в траве

шуршала мышь, Лисик пытался схватить её. Пока что получалось у него это не всегда. Подвёртывались жуки — надо было попробовать на вкус и их. Были довольно вкусные, жирные. Но один попался противный, кислый, и Лисик с отвращением выплюнул его.

Телега тарыхтела и тарыхтела дорогой, а Лисик бежал, не отставая от неё и не пытаясь свернуть в лес. Пока что и на дорожной обочине было много интересного.

А за поворотом дороги лес вдруг кончился, его словно обрезало широким полем. Лисик присел, раздумывая, бежать ли за телегой дальше или нырнуть в лесную чащобу?

Но тут он увидел, что с поля к нему бегут мальчишки и собаки. Лисик, конечно, не знал, что в поле люди убирают картофель, мальчишки взрослым помогают, а собаки просто так, по своей собачьей должности около людей вьются. Они-то и заметили Лисика и помчались к нему с лаем.

А мальчишки кричали:

— Лисица, лисица! Тобик, Жучка, бери её, бери!

Куда бежать, где спастись Лисику? И он поступил так, как поступали до него все лисицы: бросился в свою нору. А норой сегодня у него была дыра в корзине.

— Правильно, молодец! — похвалил его Виктор Павлович.

Отогнал от телеги собак, сказал мальчишкам, что везёт он самого умного лисёнка в зоосад, дал им полюбоваться на Лисика, что лежал на сене в корзине как ни в чём не бывало.

Всё же Виктор Павлович дыру в корзине заткнул своим пиджаком и довез Лисика до склада уже без происшествий.

— Поживи пока здесь, — сказал Виктор Павлович Лисику. — Тепло тут и тихо. Убежать некуда. А спать — выбирай любое место на полу.

Поставил в угол банку с водой, в старом корытце приготовил Лисику еду и ушел в деревню.

Лисик привёл в порядок шубку, полакал воды, погрыз косточку и вдруг насторожился: вдоль стены пробежала мышь.

Это Лисику понравилось. Мышей здесь оказалось —

не счесть. И никто их до Лисика не тревожил. Зато он поохотился ночью всласть.

Виктор Павлович утром даже ахнул:

— Ну и молодец! Ну и молодец! Сам наелся да ещё шесть мышей про запас в уголок положил. Жаль мне отправлять тебя в город. Жаль! А придётся. Я уже написал туда, что у меня лисёнок есть. Потом мне сообщат, на каком самолёте тебя отправить. Надо клетку тебе сделать.

Принёс доски, топор и только за работу взялся — стали люди приходиться: охотники за дробью, порохом.

Дверь то и дело оставалась открытой, и Лисик шмыгнул на улицу.

— Убежал, убежал! — заговорили охотники.

Но Лисик испугался чего-то на улице и — шмыг обратно в склад.

— Видали? — с гордостью сказал Виктор Павлович. — Совсем ручной. Как собака! Лисик, марш под прилавок!

Под прилавком на старом полушубке у Лисика уже было налёжанное местечко. Туда он и отправился к восторгу Виктора Павловича.

С той поры Виктор Павлович несколько не беспокоился, если Лисик убегал на улицу. Знал — вернётся зверёныш.

Но вот мыши поняли, что житья в складе Лисик им не даст, и разбежались. Скучно стало Лисику ночами; ведь лисицы охотятся не днём. И однажды перед вечером Лисик в склад не вернулся.

Долго сидел Виктор Павлович в складе, ожидая Лисика. Вздохнул и ушёл, не дождавшись...

Ночью выпал первый снежок. Виктор Павлович, открывая склад, прочёл по следам, что Лисик прибежал сюда, и не раз.

«Вернётся или не вернётся?» — подумал Виктор Павлович и заскрипел дверью склада. И на этот скрип из кустов выбежал Лисик.

— Живи со мной! Не отправлю тебя в город! — сказал Виктор Павлович, ласково теребя Лисика за ухо. — Вот тебе за это пирог с рыбой.

Днём в склад зашёл высокий и очень тощий охотник. Увидев Лисика под прилавком, спросил Виктора Павловича:

— Этот у тебя к отправке назначен?
— Он самый, — неохотно ответил Виктор Павлович. — А что?
— Смотри, не задерживайся. А то убежит — всех кур в селе переведет.
— Кто? Лисик? Это ты зря, Парфёнов, говоришь. Зря! У худых хозяев куриц не только лисицы — и вороны растаскивают. У хороших куры всегда в сохранности.

— Нет уж, не спорь. Лисица — вредный зверь!

— Чем? Ну, скажи, чем?

— Куриный вор, вот чем!

— Не согласен! А сколько лисица мышей передавит на своём веку, ты этого не считаешь? Посмотри-ка иной раз в поле или у стогов по снежку пройдишь — лисьи следы. Мышкуют лисы...

А вечером Виктор Павлович сам выгнал Лисика на улицу:

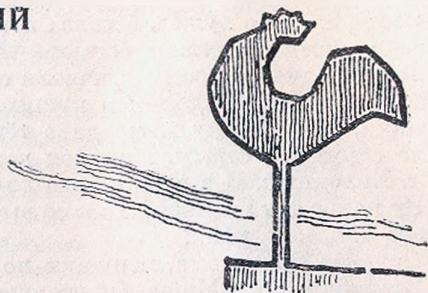
— Иди. Учись настоящей лисьей жизни в лесу. Пора!

И Лисик отправился в поле, к лесу...

Ещё несколько раз прибегал он ночевать в знакомый склад. Но видел Виктор Павлович — из неуклюжего лисёнка вырастает настоящий, ловкий, с пушистым хвостом лис.

— Скучно тебе после воли в клетке будет, — вздыхал Виктор Павлович. — В лесу да в поле — вот где жизнь. Ты бегай, не бойся! Я в город отписал, что убежал ты у меня. Понял? Дана тебе от меня увольнительная. Бегай. Только на человека с ружьём не набей. Тут я тебе ничем не помогу.

НЕПОСЛУШНЫЙ ВЕТЕР

В ЧЕРА вечером папа и Боря сделали флюгер — петушка из блестящей жести. На петушке были дырочки, в которые папа продел проволочку. Подуешь на петушка — он и завертится.

— Хороший флюгер получился! — сказал папа. — Спасибо тебе, что помог мне в работе.

И в самом деле, папа резал жечь, обтачивал ее, а Боря подавал ему то подпилочек, то плоскогубцы.

Утром, до работы, папа установил флюгер на крыше старой баньки в огороде. Боря опять помогал отцу: держал лестницу, по которой папа на крышу забирался.

— Всё в порядке, — сказал папа и объяснил Боре, что такое флюгер-петушок:

— Его ветром поворачивать будет. Он всегда навстречу ветру свой нос повернёт. Если будет у петушка нос на юг — это к нашему дому — значит дует тёплый ветер, хорошая погода установится. Если хвостик повернётся к дому — это ветер с севера. Оттуда холодный ветер дует. На запад повернётся петушок — вон к той липе — значит быть дождю. С запада к нам чаще всего дождевые тучи ползут...

— А с востока? Где восток? — спросил Боря.

— Восток — вон на ту берёзу со скворечником смотри.

— А тогда какая погода?

— Чаще всего ясная, но холодная. Ну, я пошёл. Смотри теперь за петушком, воображай, что к чему.

Летом Боря мало на петушка смотрел. Погода стояла тёплая, а если иногда гроза промчится, дождь тёплый, приятно бегать после него по лужам, хотя за это от матери и попадает. А зря! Наверно, сама, когда бы-

ла маленькая, по лужам бегала: все девчонки вместе с мальчишками по лужам бегают — брызги столбом.

Потом началась осень. Сначала она была сухая, хорошая, хотя из сандалий и пришлось переобуться в ботинки, да рубашку мама дала тёплую. Но вот небо стало скучным, серым. Начался дождь. Идёт, идёт и идёт. Холодный. И в лужах вода холодная, невесёлая.

Ну какое тут гулянье? Только выйдешь на улицу — с неба кап, кап, кап...

Скучает Боря дома, игрушки по углам валяются...

Пришёл к Боре Миша. Он старше Бори, но в школу еще тоже не ходит. Стали играть, а бабушка то и дело покрикивает:

— Тише вы там! Не на улице! Еще разобьёте что-нибудь.

— Сердитая бабка! — шёпотом сказал Миша. — А как на улицу пойдёшь, если дождь? Я пока к тебе шёл, у меня шапка прсмокла. Посмотри!

— А, может, дождь уже перестал? — сказал Боря.

Подошли к окну. Нет, идёт дождь, по оконным стёклам капельки катятся, катятся. А лужи-то какие! Эх, кабы летом такие были! По колени, наверно, можно бы в них забраться.

— Что это у вас на бане блестит? Вроде птички? — спросил Миша.

— Это петушок-флюгер. Он погоду делает, — ответил Боря и рассказал Мише всё то, что говорил ему весною отец.

— Погоду делает? — переспросил Миша. — А сейчас он какую делает?

— Дождливую. Видишь? На запад носиком повернулся.

— А если петушка носом на хорошую погоду повернуть, сделается хорошая погода?

— Сделается, — неуверенно сказал Боря. — Я ещё не пробовал. Всё время до осени хорошая погода была.

— Боря, знаешь что? Залезем на крышу, повернём петушка носиком на хорошую погоду, поиграем дома немножко, а как только солнышко выглянет — мы на улицу. Хорошо?

— Хорошо! — согласился Боря. — А что, если петушок, как только мы уйдём, опять повернётся на худую погоду?

— А мы его ниткой привяжем. Неси катушку ниток.

— Чёрных или белых?

— Всё равно!

Тихонько оделись, обули ботинки с галошами, тихонько, чтобы бабушка не задержала, выбрались на улицу. А на улице дождь, дождь...

— Скоро он перестанет! — заявил Миша.

Порядком пришлось повозиться с лестницей. Тяжёлая, мокрая, она лежала у стены бани. Подняли всётаки. Не бабушку же для такого дела приглашать — ничего она в этом не понимает! Забрались на крышу. Дранка на ней чёрная, сырая. Но потихоньку добрались и до петушка. Хорошо, что невысоко установлен, дотянулся Миша до него. Повернул носиком на Борин дом, на юг, и привязал за шею. Нитку крепко-крепко к дранке припутал. Теперь петушок перестал вертеться и смотрел на хорошую погоду.

Потихонечку, хотя сердце у каждого и замирало — вниз слезать страшнее: того и гляди с крыши скатишься, — спустились на землю, свалили лестницу и оттащили ее к стене. Затем немножко по саду погуляли, нашли в траве яблоко, морщивое, с червём, но всё же вкусное. И не торопясь вернулись домой. Разделись и — играть.

Играют, а к окну то и дело подбегают: не кончился ли дождь, не проглядывает ли солнышко?

А дождь своё: кап, кап, кап... Все стекла в капельках. В чём дело?

— Наверно, не сразу ветер петушка послушается. Зато завтра хорошая погода будет, — сказал Боря.

Утром Миша опять к Боре прибежал.

— А погода-то дождливая. Как же так?

— Теперь скоро хорошая будет. Надо ещё подождать, — ответил Боря.

А погода какая была, такая и осталась... Кап, кап, кап...

Вечером за ужином Боря не вытерпел:

— Папа, как же так? Петушок третий день хорошую погоду показывает, а дождь идёт и идёт? Значит, ветер петушка не слушается?

— Какой петушок? Какой ветер? — не понял отец, о чем сын спрашивает.

Пришлось Боре всё-всё рассказать. Даже о яблоке вспомнил. Мать и бабушка ахали, бранили мальчика — зачем на крышу лазили.

Но отец сказал:

— Ладно! Всё хорошо обошлось. Но вы, Боря, с Мишей ошиблись оба. Не ветер петушка слушается, а петушок ветра. Куда ветер дунет, туда и петушок носом. Значит, привязали его?

— Привязали. Крепко! Мы отвяжем.

— Не надо. Я сам завтра это сделаю.

— Папа, значит люди не могут хорошую погоду делать?

— Будет время, сынок, научимся и мы погоду делать такую, какая нам понадобится. Может быть, и ты, когда вырастешь, выучишься, будешь погодой командовать. А теперь сообщу вам хорошую новость: наш завод построил новый детский сад, и через три дня его открывают...

— Наконец-то! — сказала мама...

— Готовься, Борис, в садик! Полно тебе дома скучать да по крышам лазать. Понятно? Там тебе и плохая погода хорошей покажется!

ОШЛИ ребяташки в лес за малиной и... заблудились. Места как будто и знакомые, а деревни не видно и не видно. Спорить начали: одни говорят на солнышко надо идти, другие — наоборот, а третьи и вообще примолкли. Девчонки хныкать начали...

Коля на ёлку залез. На самую вершинку. Кричит оттуда:

— Только лес кругом! Ни озёр, ни деревень не видно!

Примолкли наши ягодники. Что делать? Не сидеть же на месте. Побрели дальше без тропинок.

А всё-таки о ягодах не забывают: найдут малинник — и опять за сборы. Одну ягодку в корзинку, две в рот. Так веселее.

И вдруг выбегает к ним рыжая собачонка Копейка. Она дяди Андрея, охотничья. Ушки острые, хвост кренделем. Лайка.

Увидела ребят — хвостом завиляла, хлебца просит. А у ребят хлеб... давно съеден.

С собакой все-таки веселее. Девчонки хныкать перестали.

Коля говорит:

— Неужели дядя Андрей в лесу? Не может быть! Время не охотничье, не осень. Кроме того, дядя Андрей на косилке работает.

— Значит, Копейка сама по себе в лес прибежала. Скучно ей дома. Ну, пусть с нами гуляет.

Люся догадливей всех оказалась:

— Ребята, давайте привяжем Копейку на веревку. Она тогда нас в деревню приведет. Я знаю: когда дядя Андрей не хочет, чтобы Копейка с ним уходила, он кричит ей «домой, домой!», и она слушается.

Кто ремешок с себя снял, кто верёвочку нашёл. Подозвали Копейку — и за ошейник на ремешок.

— Домой! Домой, Копейка! — кричит Коля басом, вроде дяди Андрея. И все ребятишки сразу:

— Домой, домой, Копейка!

Копейка как будто удивилась, уши прижала. Потом почесалась. А ребята своё:

— Домой, домой, Копейка!

И пошла Копейка лесом, лесом. А ребята за ней. Коля её за поводок держит. Другим покрикивает:

— Не отставать! Домой, Копейка!

Бежали, бежали, даже устали. И выбегают на большую дорогу, и деревня видна.

Увидели дядю Андрея, рассказали о том, как заблудились и как их Копейка домой привела. Дядя Андрей и говорит:

— Молодцы за догадку! А Копейку надо бы Рублевкой назвать!

МОГУЧИЕ КЛЮВЫ

СТАЛО светать: майская ночь недолга. Пора и на рыбалку собираться, на утреннюю зорьку. Сел я у окна и стал на лесах крючки перевязывать.

Тишина на нашей загородной улице: ни машин, ни прохожих. Впрочем, наша улица и днём не шумная. На ней даже каменной мостовой нет: посредине песчаная дорога, по краям, поближе к домам, зелёная молодая травка.

Сижу, вожусь с крючками.

Вижу, садятся на луг, под моим окном, четыре чёрные-пречёрные птицы. Вороны. Два старых, два молодых. Клювы здоровенные, тяжёлые. Что им, думаю, здесь надо?

А они похаживают этак важно. И время от времени то один, то другой — тюк клювом по земле. Да так глубоко ударят, что клюв чуть не весь в землю входит. Клонут, из земли что-то добудут и проглотят.

Долго гуляли. Издолбили весь луг.

Очень хотелось мне узнать, что же это они из земли добывают. Помогла мне в этом какая-то собачонка, спозаранку прогуливавшаяся по улицам. Увидела воронов, бросилась на них. Наверно, молодая, неопытная. Собаке ли ворона поймать?

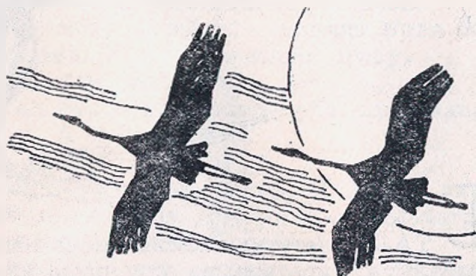
Но воронов все же спугнула. Один из них уронил, улетая, то, что он только достал из земли.

Я — на улицу. Подобрал то, что ворон обронил. Да это же личинка майского жука!

Личинки эти в земле на глубине не меньше, чем пальца на три живут, копошатся там. Но какой же слух у чёрных воронов, если они без ошибки именно в том месте клюют, где личинка шевелится?

«Молодцы вороны», — подумал я и заспешил на реку.

ЖУРАВЛИ НА ЛУНЕ

РОКИ были сделаны. Нерешённой оставалась одна только задачка, простая свида, но Юра по горькому опыту знал, что в простых задачах всегда есть какая-нибудь заковыка. Впрочем, задачу можно было решить и завтра. Завтра — воскресенье.

И тут Юра вспомнил о яблоке.

Он заметил его ещё утром. Висело оно, сочное, румяное с одного бока, на самой вершине старой яблони. Видимо, не заметили его при сборе яблоков, но теперь листва с деревьев облетала, редела, и яблоко само показалось на свет.

Утром лезть на яблоню было некогда: Юра торопился в школу. Но теперь-то яблоко от него не уйдёт.

Юра сложил в портфель учебники и тетради и выбежал в садик. Полная луна плыла в тёмном небе с редкими звездами, тени яблонь и вишен чёрными решётками ложились на землю. А земля казалась тёмно-золотой от листвы, усеявшей её.

Юра забрался на яблоню, дотянулся до сочного плода и, поудобнее усевшись на толстый сук, занялся своей добычей.

Да! Хорошо было яблочко! Сладкое, с легкой приятной кислинкой, чудесно пахнущее и само собой, и осенним воздухом, что пропитан странным ароматом вянущих листьев.

Не торопясь расправиться с яблоком, Юра загляделся на сад. Жёлтые листья его в свете луны были похожи на медные, а тени под деревьями казались угольно-чёрными, и особенно жуткими были они в глубине кустов. Пробежала по саду серая соседская кошка. Теперь и она казалась чёрной.

А тишина-то какая! Неужели весь город спит? Нет, на соседней улице проворчал мотором автобус, послышались и замерли голоса людей. На станции тоненько и пронзительно покрикивал маневровый паровозик. Юра знал его. Знал он и то, что после гудка вагоны обычно начинали грохотать буферами. Ну так и есть — вон опять загрохотали.

И опять тишина. А что на небе?

Луна была круглой-круглой и очень блестящей. Но всё равно Юра различал на ней какие-то пятна, полосы. Похоже немножко на человеческое лицо и в то же время не похоже. Что это такое на луне? А небо какое глубокое, и не поймёшь — синее оно или чёрное. И почему, когда светит луна, звёзд на небе меньше, чем в безлунные ночи?

На станции снова прокричал паровоз. Опять залязгали и успокоились буфера. И Юра снова уставился на луну. Вот побывать бы там, посмотреть, что это за пятна на ней. Наверно, скоро космонавты на ней побывают. Жаль! Почему? Да потому, что Юра ещё школьник, а школьников в космонавты не принимают. Это он знает. И говорят, надо много-много учиться и быть крепким. Ну, крепким-то Юра будет. Он и сейчас в классе только Мишке Соколову уступает. А учиться—это труднее. И скучнее. Вот хотя бы эта задача:

«Квадратный участок земли решили обнести забором. Сначала надо поставить столбы, по двадцать столбов с каждой стороны участка. Сколько всего надо поставить столбов?»

Просто? Это только кажется. Можно ответить — семьдесят столбов. А скажут: «Нет, подумай!» Вот тут и думай. А хорошо бы и школьников в космонавты принимали. Школьнику надо в кабине совсем немного места. Разве это непонятно?

Но тут он вздрогнул и от удивления приоткрыл рот. Он увидел: по сверкающему лику луны медленно проплыли чёрные птицы. Да это журавли! Юра сегодня днём видел их, улетающих на юг. Вон, вон опять мелькают они по луне...

Огрызок яблока валялся на земле, сидеть на суку было не очень удобно, но Юра всё смотрел и смотрел на луну. Смотрел и опять дождался: снова замелькали

по её золоту чёрные птицы, кажется, совсем крохотные, а всё же видно — журавли!

Может быть, это... лунные журавли? Может быть, из всех людей Юра первым заметил их? Вот это открытие! Сказать кому-нибудь — не поверят.

А вот будет Юра космонавтом, сядет в космический корабль. «Остаётся две минуты, остаётся одна минута, Старт! Р-р-р-р-р, у-у-у-у-р-р-р-р! Клубы огня и дыма, и вот корабль с Юрой мчится в чёрном небе навстречу луне. Проходит день, другой — луна всё ближе, всё больше. Потом Юра нажимает кнопку прибора, и корабль плавно садится на луну. Юра в скафандре выходит из корабля. Под его ногами — золото и горы золотые, и всё-всё зеленовато-золотое. А темные пятна — это болота с прозрачно-зелёной травой. И вода в болотах похожа на жёлтый прозрачный мед. А по воде важно гуляют чёрные журавли, такие же длинноногие, длинноногие, с косичками на голове, как и их братья на земле. Испуганно прыгают во все стороны лунные лягушки, тоже зеленовато-золотистые. И квакают они не по-земному: кажется, будто звенят маленькие колокольчики. Юра подходит к журавлям. Они совсем не боятся его, с любопытством обступают гостя с земли...

— Юра, ты где? Пора ужинать!

По саду, шурша палыми листьями, шёл отец:

— Ты почему на яблоню забрался? А, яблоко нашёл? Последние яблоки и вправду самые вкусные. Слезай, ужинать, говорю, пора!

— Папа, а я журавлей на луне видел! — сообщил Юра, хотя до этого хотел держать своё открытие втайне. Но как не поделиться с отцом?

— Журавлей? На луне? Ну, этого не может быть.

— Правда, правда! Да ты сам смотри, смотри на луну и увидишь.

Прошло несколько минут.

— Папа, видишь, видишь? Это журавли, понимаешь? На луне! Это я первый заметил.

— Ошибаешься, сынок. Это наши земные журавли. Летят они на юг, зимовать. И как окажутся против диска луны, тут их и заметно.

— Ну да, — разочарованно протянул Юра. — А я думаю — это журавли на луне. Почему же они только

ночью видны? Я сегодня днём журавлей видел в небе. Не такие. Серые.

Он слез с дерева. Пошли к дому. Отец положил ему руку на плечо:

— Днём, Юра, журавлям поесть надо. А птицам победать не просто. Им еду ещё отыскать надо. Ночью её не найдёшь. Вот они днём поедят, отдохнут, а ночью — в путь!

— Да я же, говорю, журавлей и днём видел.

— Ну и что же? Наелись и опять полетели. Устали — спустятся, поедят — и опять лететь. В ночь. А уроки ты сделал?

— Ага! Папа, а сколько столбов будет, если...

И Юра скороговоркой пробормотал нерешённую задачу.

— Хитёр ты, сынок, думаешь, я так и проболтаюсь? — усмехнулся отец. — Подумай сам и реши. Отметку-то тебе поставят, а не мне. А ещё в космонавты собираешься. Нет, ты сам решай!

— А ты почему узнал, что я хочу быть космонавтом?

— Узнать просто. Нынче все мальчишки хотят космонавтами сделаться. Только вот задачки решать ленься. А без этого ничего не получится!

Утром Юра проснулся поздно, полежал с минутку, не открывая глаз: вспоминал ночные сны — чёрных журавлей на золоте луны. Потом вскочил с постели, быстро оделся и достал тетрадь для рисования, цветные карандаши.

Во весь лист жёлтым карандашом начертил большой круг.

— Луна, — пробормотал он и стал затушёвывать небо чёрным карандашом.

И этим же карандашом нарисовал на луне несколько чёрных журавлей. Полюбовался ими, подумал, вспомнил вчерашнюю задачу и решил обнести участок вокруг журавлей забором.

— Чтобы не разбегались далеко, — сказал он себе.

Двадцать чёрточек с одной стороны — двадцать столбов, ещё двадцать сбоку, ещё двадцать, ещё. Сосчитал все столбы. Получилось что-то странное — всего восемьдесят столбов, зато на каждой стороне вышло,

по ...двадцать два столба. Гм... В чём же дело? Снова сосчитал, выходит по-прежнему, ошибки нет, а по двадцать столбов не получается. По два лишних торчит.

Стёр их, начал заново ставить столбы и считать. Вышло! По двадцать столбов на каждой стороне, а всего надо семьдесят шесть.

Довольный собою, протянул от столба к столбу черные линии — жерди. И тут же стёр их. «Пускай журавли на воле гуляют. И я пойду гулять!»

Наскоро выпил стакан тёплого чаю, поел — и пальто на плечи.

С порога глянул на холодноватое бледно-голубое небо, на пожелтевшие сады, на радужные паутинки, плывущие над забором. Услышал журавлиные крики в небе. Ну да, вон летят они, земные журавли.

СОДЕРЖАНИЕ

Лесные праздники

Весенняя музыка	4
«Михайло, повернись!»	5
Лесные праздники	7
В новый дом — с песенкой	9
Поплавки с глазами	11
Кукушкины советы	13
Урок географии	15
О хвосте и хвостике	17
Дергач на вахте	19
Ошиблась	20
Ласковая щука	22
На всех не угодишь	24
Сын луны	26
Любопытная осинка	28
Кот и паук	29
Знатная родня	31
Жемчужинка	33
Оба хороши!	35
Отзвенели песни	37
Первый жёлтенький	39
Сладкое житьё	41
Последний комар	43
Воробей в лесу	44
	73

Могучие клювы

Красногрудый	50
Лисик	54
Непослушный ветер	59
Кофейка	63
Могучие клювы	65
Журавли на луне	66

Гарновский Виталий Всеволодович

Журавли на Луне: Сев.-Зап. кн. изд., 1965,
72 стр.

Редактор *В. К. Лиханова*

Оформление художника *О. А. Бороздина*.

Художественный редактор *В. С. Вежливцев*

Технический редактор *Н. Б. Буйновская*

Корректор *А. А. Фонтейнес*

ББК00487. Подписано к печати 22. IX. 64 г. Бумага 84 × 108^{1/2}/₃₂
Бум. л. 1,125. Печ. л. 3,69. Уч.-изд. л. 2,96.
Тираж 75 000. (1—40 000) Цена 10 коп. Заказ 5510

Северо-Западное книжное издательство,
Архангельск, набережная В. И. Ленина, 85.

* * *

Областная типография, г. Вологда, ул. Калинина, 3.